

Лу Цинъянь ощутил, как его сердце чуть не остановилось.

Хотя он и понимал, что Линь Ю, скорее всего, просто несет чушь, глядя на него, его сердце невольно замерло и заколотилось.

- Что это за выражение лица? - Линь Ю удивленно посмотрел на него.

Лу Цинъянь поджал губы, его взгляд потемнел, и он спросил:

- То, что ты только что сказал Сяо Пину... правда?

- Конечно, чтобы обмануть Сяо Пина, - Линь Ю удивился вопросу Лу Цинъяня. Он снова откинулся на диване и продолжил читать маньхуа. - Чтобы этот тип больше не надоедал мне.

Лу Цинъянь ничего не сказал. Он знал, что это будет ответом.

Если он останется рядом с Линь Ю еще хоть немного, ему в столь юном возрасте понадобятся таблетки для сердца (1).

1) 救心丹 = sù xiào jù xīn wán (таблетки в кувшинчиках) - препарат традиционной китайской медицины, который переводится как «экстренное спасение сердца» или «скорая помощь сердцу». Улучшают работу сердца и сосудов, уменьшают неприятные ощущения в области сердца, предотвращают сердечный приступ.

- Линь Ю, - серьезно позвал его Лу Цинъянь.

- Мм?

- Только мудаку ты можешь понравиться.

Линь Ю чуть не швырнул книгу в стекло, чтобы ударить Лу Цинъяня.

- Зачем ты переходишь на личности? Ты нравишься только мудакам!

Но, немного подумав, он понял, что Лу Цинъянь на самом деле оскорблял Сяо Пина.

Он снова сел и рассеянно ответил:

- Но Сяо Пин действительно тот еще мудак, я с этим согласен.

Лу Цинъянь больше не хотел разговаривать с Линь Ю. Каждое лишнее слово сокращало его жизнь на три года.

Он достал телефон и начал листать календарь, готовясь выбрать благоприятный день, чтобы прояснить отношения (2) с Линь Ю.

2) 捅破窗户纸 = chuānghūzhǐ tǒngpò - «проколоть оконную бумагу», означает «выразить то, что никогда не осмелишься выразить», устранение препятствий или недопониманий.

Он понял, что если будет ждать, пока Линь Ю сам догадается, то проведет последние годы жизни в одиночестве.

Пусть кто хочет, тот и будет лучшим сюнди, он больше не может им быть!

Лу Цинъянь пробыл в больнице всего два дня. Рано утром в понедельник ему сообщили, что его можно выписать.

Когда он вернулся в класс, его довольно долго окружала группа людей.

В отличие от Линь Ю, феромоны Лу Цинъяня не так легко воздействовали на других. Омеги не проявляли особого дискомфорта, а альфам пришлось довольно долго и с печальным видом адаптироваться.

Раньше они не придавали особого значения угнетающему ощущению от феромонов высшего уровня, но теперь поняли, что это потому, что им раньше не встречался столь высший уровень.

Как только Лу Цинъянь сел, несколько человек вокруг него стремительно приблизиться к нему, желая посмотреть, как долго они смогут продержаться. Однако после первого же урока они умоляли на коленях использовать блокирующее средство.

- Слушай, тебе не кажется, что фэн-шуй нашей школы действительно божественный? – заметил Шао Ань. – Уже странно, что представление Линь Ю отсрочилось до семнадцати лет, а теперь и Лу-гэ. С такой вероятностью можно купить лотерейный билет.

Линь Ю устало лежал на парте. Вчера он допоздна играл в игры, и сегодня его клонило в сон.

- Откуда ты знаешь, что я не купил? – Линь Ю слабо произнес. – В субботу я купил пятьдесят лотерейных билетов, но в итоге выиграл только один раз, пять юаней. Я проиграл столько, что чуть не остался без штанов.

- ...

Такое действительно заставляло тех, кто слышал – страдать, а тех, кто видел – плакать.

Шао Ань сочувственно протянул Линь Ю пакет молока и сказал:

- Мои соболезнования.

Инцидент с представлением Лу Цинъяня ненадолго вызвал всеобщее любопытство, но оно и близко не могло сравниться с тем, что произошло с Линь Ю.

Во-первых, омеги и так встречались относительно редко, а индуцированные – еще реже. Во-вторых, тот факт, что такой яростный борец, как Линь Ю, неожиданно проявил себя как омега, создал слишком сильный контраст.

Но когда дело касалось Лу Цинъяня, многие уже принимали его за альфу. Когда эта новость стала известна, мало кто удивился. В лучшем случае, все просто сетовали о том, как поздно состоялось его представление.

Так что через полдня в школе об этом уже почти никто не говорил.

Но как бы хорошо это не воспринималось в школе, Линь Ю и Лу Цинъянь больше не могли жить в одном общежитии.

Между альфами и бетами по-прежнему существовала значительная разница в гендерном отношении.

В тот вечер, после уроков, под присмотром заведующего общежитием Лу Цинъянь переехал со

второго этажа южного корпуса в зону альф на первом этаже.

На этот раз Линь Ю не стал возражать. Он знал, что протест бесполезен. Он не слышал ни об одной школе, которая разрешила бы альфам и омегам делить комнату в общежитии, если только школа не собиралась закрыться.

Линь Ю помог с переездом, но ему приходилось покинуть первый этаж ежедневно до восьми вечера.

После этого, каждый день после комендантского часа, он больше не мог свободно заходить и выходить из комнаты Лу Цинъяня, а Лу Цинъянь не мог подниматься к нему наверх.

Только в этот момент Линь Ю хоть немного ощутил различия, обусловленные гендерной дифференциацией.

Он сидел в новой комнате Лу Цинъяня и хрустел яблоком. Глядя на одноместную комнату Лу Цинъяня, он никак не мог к ней привыкнуть, как бы ни смотрел.

Эта комната в общежитии похожа на его, только меньше, с белоснежными стенами и без отдельной гостиной – только диван и книжный стеллаж стояли в спальне. На балконе (3) было хорошее освещение, и из окна открывался вид на небо, усыпанное звездами.

3) 阳台 = yángtái – балкон, терраса. Солнечная башня (гора, где, по легенде, один из царей Чу встретился во сне с женщиной, по утрам имевшей облик облака, а по вечерам – дождя; обр. о месте любовных свиданий).

- Теперь мне придется жить одному, так скучно, - пробормотал Линь Ю.

Он все еще жил в прежней двухместной комнате, но без Лу Цинъяня комната вдруг показалась полупустой. Даже посидев там немного, он почувствовал, что в комнате слишком тихо.

Лу Цинъянь молчал.

Если бы была возможность, разве он захотел бы расстаться с Линь Ю?

Он расставил книги на полке и взглянул на календарь.

До Нового года оставалось меньше 20 дней.

Он планировал признаться Линь Ю в своих чувствах примерно в Новый год, дав Линь Ю немного больше времени и установив для себя окончательный срок.

Он устал терпеть эти мучения, похожие на медленную резку мяса тупым ножом. В любом случае, ему рано или поздно придется открыться Линь Ю. Какая разница, на день раньше или позже?

Неужели он должен ждать, пока Линь Ю возьмет за руку какую-нибудь девушку-бету, подойдет к нему и представит ее, прежде чем он все объяснит?

Он боялся, что если это произойдет, он может совершить непоправимый поступок.

Он повернул голову от книжной полки и посмотрел на Линь Ю. Линь Ю доев яблоко, принялся разворачивать молочную конфету. Его щеки надулись в маленький кружок, а взгляд по-прежнему был прикован к iPad в его руках.

Лу Цинъянь уже тысячу раз становился свидетелем этой сцены.

Он настолько привык к присутствию Линь Ю, что не мог представить себе жизнь без него.

Поэтому, что бы ни случилось в будущем, он не мог позволить Линь Ю покинуть его.

Лу Цинъянь поставил последнюю книгу на полку.

Если бы Линь Ю поднял глаза, он бы обнаружил, что это научно-популярная книга, посвященная альфа-омега феромонам и инстинктам мечения.

В восемь часов вечера, подгоняемый повторяющимся звонком, Линь Ю медленно вернулся в свое общежитие.

Лу Цинъянь стоял у двери и прощался с ним. Пройдя несколько шагов, Линь Ю невольно обернулся.

Хотя расстояние между этажами было небольшим, в душе он чувствовал некоторую неохоту расставаться.

Вернувшись в общежитие, Линь Ю долго сидел один в пустой гостиной.

Все вещи, принадлежащие Лу Цинъяню, исчезли. На столе больше не лежал фотоальбом, который Лу Цинъянь недавно смотрел. На обувной полке осталась только его собственная обувь. Даже зубная щетка и полотенце в ванной были в единственном комплекте.

Он посидел некоторое время, думая позвонить Лу Цинъяню, но почувствовал, что это будет слишком навязчиво с его стороны.

Он медленно встал, принял душ, а затем плюхнулся на кровать, готовясь ко сну.

Но прежде чем он заснул, его телефон издал звук.

Линь Ю нетерпеливо потянулся к телефону, и, открыв его, увидел сообщение от Лу Цинъяня.

«Спокойной ночи».

Глядя на эти два слова на экране, Линь Ю, не зная почему, вдруг почувствовал себя лучше.

- Как банально... - пробормотал он себе под нос с ноткой улыбки в голосе. Пальцы быстро напечатали несколько слов на клавиатуре.

«Спокойной ночи, я спать».

Лу Цинъянь больше не присылал сообщений, и он тоже больше не проверял телефон. Зарывшись головой в подушку, он крепко проспал всю ночь.

Во сне Линь Ю перевернулся на другой бок, и черная куртка на его кровати чуть не соскользнула.

Но это была не одежда Линь Ю.